

Арзаманова Т.В.¹, 2022

**«Техасский холдем»² :
переход от матрицы стратегической
стабильности к новым
основам миропорядка**

*Традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу.
Густав Малер*

Аннотация. Пандемия COVID-19 стала настоящим катализатором глобальных перемен. Она оказывает сильнейшее влияние на все аспекты жизнедеятельности человечества, начиная от взаимоотношений между отдельными индивидами и между обществом и государством, заканчивая формированием нового миропорядка. Усилилось глобальное неравенство, характеризующееся, в числе прочего, отсутствием справедливого доступа к вакцинам от COVID-19, которые в условиях борьбы конкурирующих систем за репутационный выигрыш приобретают статус гибридного оружия.

В отношении формирующегося миропорядка уже можно констатировать, что он имеет отчетливо асимметричный и труднопрогнозируемый характер: базовыми характеристиками являются глобальная неопределенность, большое количество новых мировых акторов, в том числе внесистемных, нелинейность, хаотичность и фрагментарность.

¹ Арзаманова Татьяна Владимировна – ведущий редактор ИНИОН РАН (tatiarzamanova22@gmail.com).

² Разновидность покера, в которой игра ведется и «открытыми», и «закрытыми» картами.

Автор предполагает, что повестка в области контроля над вооружениями постепенно утрачивает определяющий характер для международных отношений: принцип стратегической стабильности перестает быть основой миропорядка.

Рост напряженности в отношениях по линии Россия – Запад происходит на фоне формирующейся с подачи Вашингтона унифицированной позиции «коллективного Запада», с которой РФ придется иметь дело как минимум в кратко- и среднесрочной перспективе. В основе этой позиции – ставка на масштабное сдерживание России с возможностью сохранения точечного диалога по ограниченному кругу вопросов.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, международные отношения, новый миропорядок, глобальный кризис доверия, НАТО, ЕС, США, Китай, Россия, Германия, стратегическая стабильность, прагматизм, ценности.

Геостратегический контекст : пандемия COVID-19 как катализатор глобальных перемен

Пандемия COVID-19 оказала колоссальное влияние на состояние международных отношений, став настоящим катализатором формирования нового, «асимметричного» миропорядка. Она усугубила процессы, определяющие качественные характеристики актуального состояния международных отношений: глобальную неопределенность, глобальный кризис доверия, а также нехватку солидарности – не только между альянсами и отдельными странами, но и в рамках отдельных социумов.

Из-за пандемии еще больше усилилось глобальное неравенство в различных областях жизни: от условий существования населения в режиме локдауна до объема, качества и возможности получения медицинской помощи.

Одним из проявлений глобального воздействия пандемии стало повышение внимания к проблемам изменения климата и защиты окружающей среды. Во время карантина во многих городах природа «очистилась» настолько, что люди своими глазами смогли увидеть: мир действительно может стать лучше, если уделять вопросам экологии больше внимания. Это способствовало повсеместному росту популярности «зеленых» партий (что, в частности, может привести к усилению антироссийской риторики в

европейском общественном дискурсе, поскольку в последнее время именно «зеленые» партии традиционно являются наиболее последовательными и непримиримыми критиками Кремля).

Пандемия в значительной степени изменила и другие общественные настроения: спровоцированный ею экономический кризис, сопутствующие ему локдауны, падение рынка труда, ограничительные меры различного характера существенно обострили чувство тревожности, породили у людей ощущение неуверенности в завтрашнем дне.

Таким образом, и климатическая повестка, и вопросы борьбы с пандемией, и проблема обеспечения справедливого доступа к вакцинам оказались настолько политически заряженными, что сами по себе стали новыми вызовами безопасности и источниками напряженности в мире.

Конец эпохи иллюзий

Весной 2021 г. в течение нескольких недель мир наблюдал беспрецедентную эскалацию напряженности в отношениях России с Соединенными Штатами и Евросоюзом. Внезапная концентрация российских войск вдоль границы с Украиной, которую министр обороны РФ Сергей Шойгу объяснил «контрольными проверками»; последовавшее в ответ заявление Пентагона об отправке двух кораблей ВМС США в район Черного моря (впоследствии, впрочем, отозванное); требования Германии и Франции о немедленном отводе российских войск от украинской границы с целью «деэскалации ситуации»; анонсированное Вашингтоном введение новых антироссийских санкций; заявление президента Дж. Байдена о растущей российской угрозе; звучащие в адрес Москвы обвинения в ведении «кампании дезинформации» в странах Запада; дипломатический кризис и беспрецедентный парад персон нон грата, последовавшие за выдвинутыми официальной Прагой в адрес Москвы обвинениями в причастности к взрыву на складе боеприпасов в чешской Врбетице в 2014 г., – вот неполный список произошедшего.

Стоит упомянуть и выступление главы европейской дипломатии Жозепа Борреля на посвященном России заседании Евро-

парламента 28 апреля 2021 г. Высокоставленный дипломат заявил, что, по его мнению, Москва «вступила на путь усиления конфронтации с Западом», поскольку российские власти якобы рассматривают такой подход как «самый верный путь для того, чтобы укрепить собственную легитимность» [Borrell, 2021]. Боррель также отметил, что отношения ЕС с Россией находятся в «низшей точке» и, скорее всего, это «еще не предел». Он возложил ответственность за рост конфронтации на Москву и подчеркнул, что Евросоюз должен быть готов к «затяжному и тяжелому периоду» в отношениях с Россией. Параллельно с этим дипломат признал готовность Брюсселя к налаживанию отношений с РФ, если только российская сторона продемонстрирует «реальную заинтересованность» и только при условии «полного соблюдения» Москвой европейских «принципов, ценностей и интересов» [Ibid.].

Выступление Ж. Борреля представляется очень важным для понимания актуального стратегического вектора политики ЕС по отношению к России. С приходом в Белый дом президента Дж. Байдена Соединенные Штаты – пусть и не в прежнем объеме, а порой просто номинально – возвращаются к «штурвалу» Европы. Под давлением Вашингтона происходит сближение позиций Соединенных Штатов и Евросоюза: мы наблюдаем сейчас *формирование единой позиции так называемого «коллективного Запада» в отношении России*. Ключевой задачей становится масштабное сдерживание Москвы (прежде всего – военное) с сохранением потенциала для ведения точечного диалога по тем вопросам, решение которых без участия России вряд ли возможно: в первую очередь, это вопросы стратегической стабильности, борьбы с международным терроризмом, контроля над вооружениями, проблемы, связанные с изменением климата, борьбой с пандемией и т.д., а также ряд насущных проблем, которые на определенном этапе могут представлять обоюдный интерес.

В ответ Москва неожиданно для многих предложила Вашингтону свою модель «ролевой игры». Правила предельно просты: Белый дом может сохранять принципиальную риторику в отношении РФ, предназначенную для «внутреннего рынка» (для американского избирателя и для «умиротворения» европейских

столиц), параллельно ведя перманентный (это важно!) диалог с Россией по взаимноинтересующим вопросам. Таким образом, Москва пытается вернуть взаимодействие с Вашингтоном в рамки стратегического диалога, который длительное время оставался краеугольным камнем мировой политики.

В этом отношении очень показательны кажущиеся на первый взгляд хаотичными действия Белого дома, который в ходе обострения напряженности после каждого резкого выпада в сторону России – будь то введение новых санкций или принятие решения о выдвигании военных кораблей в район акватории Черного моря – тут же либо отыгрывал все назад, либо озвучивал свою готовность к двусторонней российско-американской встрече на высшем уровне.

Переговорам Владимира Путина и Джо Байдена предшествовали саммиты Большой семерки, НАТО, ЕС–США, которые можно совокупно рассматривать как некий обобщенный «саммит коллективного Запада», главной задачей которого была «сверка часов» и выработка единой позиции по Китаю и прежде всего по России.

В итоговом коммюнике Брюссельского саммита НАТО (14 июня 2021 г.) на первом месте в списке актуальных угроз было указано «поведение России». Согласно тексту документа, РФ «продолжает нарушать ценности и принципы НАТО, международное право, а также свои международные обязательства». Альянс оставляет за собой право отказаться от сотрудничества с Москвой «в обычном режиме» до тех пор, пока эта ситуация не изменится. Помимо прочего, в коммюнике говорилось, что «ядерная стратегия России и комплексная модернизация, диверсификация и расширение систем ядерных вооружений все в большей степени поддерживают более агрессивную политику стратегического запугивания». Москве также инкриминировали «агрессивную и безответственную ядерную риторику» [Brussels Summit..., 2021].

В итоговой декларации саммита ЕС–США (15 июня 2021 г.) в списке озвученных угроз России пришлось потесниться, уступив первое место Китаю. Да и критические оценки в адрес Москвы прозвучали вполне сдержанно. Что касается Китая, то глава Евро-

комиссии Урсула фон дер Ляйен подчеркнула, что Евросоюз воспринимает Китай как экономического конкурента, а «когда речь идет о правах человека» и политической системе в целом, ЕС и Китай – «системные соперники» (цит. по: [Шейко, 2021]). Подобный «разворот» Евросоюза, до того упорно пытавшегося сохранить образ Пекина как своего главного торгового партнера (пусть и с некоторыми политическими издержками), можно рассматривать как уступку Вашингтону, для которого КНР действительно представляет собой главный стратегический вызов нынешнего столетия. В отношении России в итоговом документе саммита говорится следующее: «Мы едины в нашем принципиальном подходе к России и готовы решительно реагировать на повторяющуюся схему негативного поведения и злонамеренных действий, которые Россия должна исправить, дабы предотвратить дальнейшее ухудшение отношений» [EU-US Summit..., 2021, p. 5].

Здесь следует отметить, что мнения Вашингтона и его европейских союзников в отношении Китая все-таки расходятся: для ЕС Пекин по-прежнему является крупнейшим торговым партнером и отказываться от экономически выгодного сотрудничества в европейских столицах не спешат.

При этом наибольшее беспокойство «коллективного Запада» вызывает стратегическое сближение России и Китая. Пожалуй, именно оно послужило катализатором для ужесточения европейской риторики как в адрес России, так и в адрес Китая. Таким образом, происходит взаимовыгодный обмен: НАТО официально усиливает критику в отношении Пекина, а Вашингтон окончательно возвращается в евро-атлантическую семью. В свою очередь, консенсус в отношении России был достигнут без труда. Тема «российской угрозы» не только представляется крайне актуальной для европейских стран – участниц Альянса (с учетом наличия у них под боком полыхающего «Донбасского узла»), но и служит прекрасным поводом для укрепления солидарности союзников.

16 июня 2021 г. на берегах Женевского озера лидеры России и США обменялись рукопожатием, которое мировые СМИ не преминули окрестить историческим. Спираль противостояния между Москвой и Вашингтоном (и Западом в целом) так стреми-

тельно закручивалась, что от встречи Владимира Путина и Джо Байдена не ждали прорыва – достаточно было уже того, что эти переговоры смогли состояться в ситуации, когда отношения сторон буквально достигли дна.

Тем не менее на встречу в Женеве возлагались определенные надежды в отношении снижения уровня эскалации или хотя бы ее некоторого упорядочивания, а также по поводу возобновления диалога между США и РФ по определенному кругу вопросов – в первую очередь, по вопросам сохранения стратегической стабильности, борьбы с международным терроризмом, противодействия пандемии COVID-19, по климатической повестке дня и т.д.

Формально обе стороны сигнализировали, что встреча прошла в позитивном ключе. Выступая на своей итоговой пресс-конференции, Джо Байден отметил, что есть «хорошие перспективы улучшения отношений с Россией, но нужны общие базовые правила, которые все мы будем соблюдать» (цит. по: [Ромашенко, 2021]). Владимир Путин в свою очередь охарактеризовал прошедшие переговоры как «конструктивные»: стороны, по его словам, проявили желание понять друг друга. Была достигнута договоренность вернуть послов России и США в Вашингтон и Москву соответственно. Решено было начать совместные консультации в сфере кибербезопасности. Президент России подчеркнул, что РФ и США сообща ответственны за ядерную безопасность в мире и переговоры по этой теме также будут продолжены.

Остается предположить, что в Белом доме решили попытаться достичь хотя бы минимальной стабилизации в отношениях с Москвой. Разумеется, на своих условиях. Это создает иллюзию некоторого «потепления» в российско-американских отношениях. Очевидно, что серьезного прорыва в отношениях по линии Россия – Запад сейчас ожидать не приходится. Критическим фактором в этом отношении остается взаимное недоверие, да и клеймо «врага», полученное Россией от «коллективного Запада», не способствует излишнему оптимизму. Противостояния между сторонами, к сожалению, не избежать, в особенности если Запад продолжит акцентировать внимание на вопросах российской внутренней поли-

тики, что для Кремля неприемлемо (подробнее см.: [Арзаманова, 2021]).

Таким образом, главный положительный итог встречи президентов РФ и США заключается прежде всего в самом факте возобновления диалога России и Соединенных Штатов и связанной с этим возможности создания каналов для коммуникации по отдельным темам.

7 декабря 2021 г. на фоне серьезного обострения отношений России с Западом состоялся новый саммит Путин – Байден, теперь уже в формате двухчасовой видеоконференции. На повестке дня были российско-американские отношения, вопросы стратегической стабильности, ситуация на Украине, расширение НАТО, взаимодействие сторон по борьбе с киберпреступностью, сотрудничество по иранской проблеме. Российский президент довел до сведения своего американского коллеги, что РФ заинтересована в твердых юридических гарантиях, исключающих дальнейшее расширение Североатлантического альянса на восток и размещение на территории сопредельных с Россией государств ударных наступательных вооружений. Президент США, в свою очередь, высказал озабоченность якобы угрожающим характером передвижения российских войск вблизи границы с Украиной и обозначил санкционные меры, которые Соединенные Штаты и их европейские союзники будут готовы задействовать в случае дальнейшей эскалации обстановки. В ответ российский лидер подчеркнул, что не стоит перекладывать ответственность на плечи РФ, так как, по его мнению, именно НАТО предпринимает опасные попытки освоения украинской территории и наращивает военный потенциал у российских рубежей.

По итогам переговоров российский МИД через несколько дней представил проект договора о гарантиях безопасности, который РФ могла бы заключить с США и НАТО. 15 декабря 2021 г. президент Дж. Байден сообщил в ходе брифинга, что рассчитывает на следующие, уже более длительные переговоры с В. Путиным.

При этом принципиально важным для развития российско-американского диалога является следующее: *до тех пор пока этот диалог не будет вестись на равных, для Москвы он так и останется мо-*

нологом из Вашингтона. Статус державы, имеющей ядерный паритет с единственным глобальным игроком – Соединенными Штатами, – это рубеж, который Москва никогда не сдаст.

Геостратегические контуры нового миропорядка : нелинейность, хаотичность и фрагментарность

Однако все вышеописанные и кажущиеся на первый взгляд вполне «рабочими» расклады не учитывают тот факт, что появление новых внесистемных мировых игроков (таких как квазигосударство ИГ¹, транснациональные корпорации, крупнейшие цифровые платформы, серьезные хакерские объединения) сделали в целом неактуальной саму идею миропорядка, основанного на матрице стратегической стабильности. *Повестка дня в области контроля над вооружениями утратила свой определяющий характер в системе международных отношений.* Послевоенный мир второй половины XX в. действительно во многом определялся логикой двухполярного советско-американского противостояния. Затем, с окончанием холодной войны, мир оказался вписан в более сложную матрицу международных отношений, которую упрощенно стремились считать многополярной. Второе десятилетие XXI в. характеризовалось смещением глобального диалога и центра принятия основополагающих решений в треугольник США – Россия – Китай. При этом Соединенные Штаты всеми силами пытались вовлечь Пекин в рамки существующего режима контроля над вооружениями, с тем чтобы установить препоны для растущих претензий Поднебесной на глобальное лидерство. Россия же, в свою очередь, использовала Пекин как стратегический козырь, играя на страхах европейцев и американцев перед чрезмерным сближением РФ и КНР.

Между тем примерно с середины 2010-х годов началось резкое охлаждение в отношениях России с США и с Западом в целом. Причин для этого множество, но катализатором нынешней «стадии развода» стали прежде всего разнонаправленные интересы сторон. Для России сейчас принципиально важной задачей явля-

¹ Здесь и далее по тексту сборника «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) – запрещенная в России террористическая организация.

ется сама возможность остаться в «большой игре» в качестве одного из основных мировых акторов. Для США сейчас приоритетная задача на международной арене – трансформация своей прежней роли мирового полицейского (которую Соединенные Штаты не могут далее выполнять по ряду объективных причин) в новый статус – глобального морального камертона [Арзаманова, 2020]. Это позволит им, не прибегая к активному прямому военному вмешательству, путем санкционной политики и экономического давления влиять на мировую повестку.

Прежде всего США заинтересованы в создании широкого фронта союзников для своего противостояния с Китаем, которое станет самой крупной геополитической игрой XXI столетия. Вашингтону важно окончательно перетянуть на свою сторону Европу, которая пока не готова отказаться от столь крупного экономического и торгового партнера, каким является для нее Китай, и лишиться связанной с этим экономической выгоды. Несмотря на давление американской стороны, Евросоюз все-таки подписал с Китаем в январе 2021 г. Всеобъемлющее соглашение об инвестициях (Comprehensive Agreement on Investment, CAI). Белый дом, в свою очередь, расценил этот шаг как крупный внешнеполитический успех Пекина, наносящий ущерб Соединенным Штатам и их союзникам в Европе.

Также стоит отметить, что в последнее время положение стратегического треугольника США – РФ – КНР значительно видоизменилось, поскольку в самом наборе основных мировых акторов произошли фрагментарные, хаотичные и не вполне поддающиеся наблюдению изменения. Речь идет о вступлении в «большую игру» внесистемных игроков, для широкой общественности остающихся «за кадром», но оказывающих безусловное и сильное влияние на актуальную повестку. Одной из главных характеристик нынешней системы международных отношений становится неупорядоченность, нелинейность, а потому – труднопрогнозируемость глобальных процессов.

Если все-таки попытаться описать новый формирующийся миропорядок и актуальное состояние системы международных отношений, то, пожалуй, стоит обратить внимание на два момента.

Первое: *новый миропорядок именно формируется, а не создается* согласно планам держав-победительниц, как это было после двух мировых войн XX в. Это сложный, плохо считываемый процесс, с огромным количеством взаимозависимых переменных и большим числом акторов, в том числе внесистемных, развивающийся при отсутствии у игроков единой цели и при наличии разнонаправленных интересов в условиях внешнего давления.

И второе: *речь идет, безусловно, о конце эпохи иллюзий*. Иллюзий Запада в отношении того, что Россия успешно встроится в западную систему ценностей, будет довольствоваться при этом местом младшего партнера на периферии «западного мира» и можно будет просто игнорировать тот факт, что ядерный паритет России с США и место постоянного члена СБ ООН автоматически дают ей статус, с которым все остальные игроки вынуждены считаться. Иллюзий России в отношении того, что в качестве рычага давления на внешний мир можно использовать не только возможность своего стратегического сближения с Китаем, но и некоторые расхождения между США и Европой, играя на разнице интересов.

Как было сказано выше, на данном этапе своего противостояния с Китаем Соединенные Штаты пытаются привлечь последний к участию в существующем режиме контроля над вооружениями, чтобы хотя бы отчасти ограничить возможности Пекина в области развития военных технологий, особенно с использованием разработок в сфере искусственного интеллекта, поскольку очевидно, что интегрирование искусственного интеллекта в производственные мощности даст странам, обладающим подобными технологиями, возможность совершить гигантский технологический «квантовый скачок».

«Клубная» стратегия Вашингтона (назовем это так) заключается в позиционировании «коллективного Запада» (или его части) как клуба избранных во главе с США, в котором принимаются основополагающие для международной системы решения и устанавливаются правила игры. Такое положение дел, разумеется, не может удовлетворить ни Россию, ни Китай, поскольку предполагает для всех остальных единственный вариант – «no entry» и контакты только по ограниченному кругу вопросов в силу необходи-

мости. На самом же деле «коллективный Запад» не способен претендовать на роль морального авторитета: как продемонстрировала внутривнутриполитическая повестка самих Соединенных Штатов, даже такие основополагающие ценности, как свобода слова, больше не рассматриваются на Западе в качестве непреложных.

Администрация президента Байдена стремится к тому, чтобы лозунг «наша (западная) демократия в опасности» не только служил основой для национальной консолидации крайне поляризованного американского общества, но и стал новым «регулятором» международных отношений. Ценностно и идеологически окрашенная американская внешняя политика подразумевает, что только тот, кто готов следовать определенной системе ценностей, может находиться в арьергарде Соединенных Штатов, а место всех остальных – за идеологической «линией фронта».

Завершение «особых отношений» России с Германией как ускоритель деградации отношений РФ с ЕС и Западом в целом

Серьезное охлаждение между Евросоюзом и РФ усугубляется не только формированием единого фронта «западных союзников», но и завершением длительных «особых отношений» России с Германией, долгие годы игравшей роль адвоката Москвы в ее отношениях с Западом. Эти «особые отношения» были основаны не только на чувстве исторической вины и немецкой культуре памяти, но и на признании центральной роли Москвы в воссоединении Германии в 1989 г.

После Крымского кризиса 2014 г. российско-германские отношения, образно говоря, перешли в стадию «пациент скорее мертв, нежели жив», а запутанная история с отравлением Алексея Навального и вовсе похоронила все былые надежды – как надежды Германии на трансформацию России в страну с развитой рыночной экономикой, единым с Европой правовым пространством и либеральной системой ценностей, так и надежды России, что прагматичная, ориентированная прежде всего на экономические взаимные интересы стратегия возобладает и Берлин будет и впредь выполнять роль представителя Москвы в Европе, не задавая при этом «лишних» вопросов (а сама Европа сможет наконец

достичь полного стратегического суверенитета, сиречь столь желанной для Москвы независимости от Соединенных Штатов).

В сентябре 2021 г. в Германии состоялись парламентские выборы, за которыми следует смена правительства. Уход Ангелы Меркель с поста федерального канцлера и высокая вероятность наступления «зеленой» эры на немецком политическом олимпе могут значительно изменить профиль Европы, особенно при участии партии «Союз 90/Зеленые» в новой правительственной коалиции в Бундестаге.

В итоге результат голосования выглядел следующим образом: Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) набрала 25,7%; блок Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза (ХДС/ХСС) – 24,1% голосов. «Зеленые» пришли третьими, получив 14,8%. Свободная демократическая партия (СвДП) набрала 11,5% голосов, «Альтернатива для Германии» – 10,3%. Левая партия получила 4,9% голосов [2021 Bundestag..., 2021]. Несмотря на то что победителем избирательной гонки в итоге оказалась СДПГ, большинство проголосовавших за социал-демократов, согласно данным предвыборных опросов, голосовали все-таки не за партию, а непосредственно за ее кандидата, министра финансов ФРГ Олафа Шольца. В немецких экспертных кругах последнего часто называют «мужской версией Меркель»: их роднит сдержанный стиль поведения, основательность, прагматизм и такое бесценное для политика качество, как «умение почувствовать момент». Так что неудивительно, что именно Олаф Шольц сменил Ангелу Меркель на посту федерального канцлера, получив в результате тайного голосования в бундестаге 395 голосов при необходимом минимуме в 369.

8 декабря 2021 г. было приведено к присяге новое коалиционное правительство, получившее в связи с традиционными цветами вошедших в коалицию партий – СДПГ (красный), «Союз-90/Зеленые» (зеленый), СвДП (желтый) – название «светофор». Вице-канцлером и министром экономики и защиты климата стал сопредседатель «Зеленых» Роберт Хабек. Самый влиятельный пост в немецком правительстве после канцлера – пост министра фи-

нансов – получил еще один давний критик Москвы либерал Кристиан Линднер (СвДП).

Консерваторов и «Зеленых» (откровенно упустивших свой исторический шанс, особенно в условиях самой «зеленой» за все время избирательной кампании), безусловно, можно считать проигравшими. Однако свое влияние в рамках политического поля (в разной степени) обе эти силы сохранят. Смены внешнеполитической парадигмы от нового кабинета вряд ли можно ждать, а вот расстановка акцентов изменится: политика «светофора» с учетом присутствия в коалиции «Зеленых» станет более «ценностной» и менее прагматичной. Поскольку именно «Зеленые» являются в Германии наиболее последовательными критиками Кремля и их кандидат на пост канцлера лидер партии Анналена Беброк всегда последовательно выступала за сохранение всех имеющихся санкций в отношении России и остановку строительства трубопровода «Северный поток-2», дальнейшее похолодание в российско-германских отношениях неизбежно, что автоматически повлечет за собой повышение уровня конфронтации между Россией и Западом в целом. Однако та же Беброк на посту главы МИД ФРГ будет в определенной степени связана коалиционной дисциплиной, что неизбежно отразится и на ее риторике в отношении России (в сторону большей сдержанности). Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что в Германии внешняя политика традиционно формируется прежде всего ведомством федерального канцлера.

Таким образом, обе константы политической жизни Германии – преемственность и стабильность – в той или иной степени сохраняют свое значение и для преемников А. Меркель. Это позволяет надеяться, что новое правительство Германии продолжит руководствоваться идеей о том, что экономическая изоляция России таит в себе еще большую угрозу.

В свою очередь, на то, чтобы заполнить вакуум власти в Евросоюзе после ухода с европейской авансены такого признанного политического тяжеловеса, как Ангела Меркель, претендует сейчас франко-итальянский тандем – президент Франции Э. Макрон и новый премьер-министр Италии Марио Драги. Драги – опытный политик с внушительным послужным списком, пользующийся

в Европе бесспорным авторитетом. Он не обладает ярко выраженной харизмой, однако в трудные времена, к которым, безусловно, относится пандемия COVID-19, такие качества, как надежность и предсказуемость, могут оказаться куда более предпочтительными. Если раньше на страницах европейских СМИ частенько можно было встретить утверждение, что в ЕС делают то, чего хотят «ММ» – Меркель и Макрон, – то сейчас все чаще речь идет о совместных инициативах Италии и Французской Республики. На президента Макрона в России в свое время возлагали большие надежды как на «понимающего» партнера по диалогу. Однако неожиданно для Москвы он оказался в итоге не таким уж удобным визави: намного более «роевропейским», нежели рассчитывали в Кремле.

Новые геополитические искушения

Еще одной знаковой характеристикой нынешнего состояния международных отношений стали повсеместно возникающие новые геополитические искушения: регионы, ранее находившиеся на периферии стратегических интересов, сегодня начинают выходить на передний план потенциально конфликтного взаимодействия ведущих мировых игроков. Ярким примером в этом отношении может служить Арктика, которая становится сейчас новой ареной геополитического противостояния «грандов» мировой политики.

Интерес к этому региону в последнее время стремительно растет, равно как и конкуренция за доступ к его шельфу, ресурсам и новым стратегическим возможностям. По последним данным, на арктический регион приходится 22% мировых запасов неразведанных углеводородов. Глобальные изменения климата делают Арктику более привлекательной и для развития судоходства, и для добычи ресурсов. Приарктическая ресурсная база представляет большой интерес: речь идет о запасах природного газа, редкоземельных металлов, месторождениях алмазов. Следовательно, конкуренция США, России и Китая в Арктике будет со временем только усиливаться.

Вашингтон, по словам пресс-секретаря министерства обороны США Джона Кирби, считает Арктику ключевым регионом для

своей национальной безопасности [Мильников, 2021]; претензии Пекина на мировое лидерство и рост его геополитической активности также делают неизбежным появление Китая в этом регионе наряду с арктическими государствами. Активное освоение Китаем арктического региона является частью его планов по созданию Северного торгового пути из КНР в Европу («Ледовый шелковый путь»).

По утверждению Джона Кирби, Соединенные Штаты «пристально следят» за деятельностью РФ в арктическом регионе [там же, 2021]. Россия, 20% территории которой расположены за Полярным кругом, сейчас лидирует в освоении Арктики среди всех приарктических государств. РФ принадлежит самая протяженная береговая линия арктических территорий, и ей пока удается сохранять в регионе ресурсное и инфраструктурное преимущество. В арктической зоне, согласно данным статистики, генерируется около 10% ВВП России [Росстат..., 2020]. Большое значение этот регион имеет для России и со стратегической точки зрения. Северный флот РФ с главной базой в Североморске по-прежнему остается важнейшей частью российских сил ядерного сдерживания.

Таким образом, Арктика является крайне перспективным регионом в плане глобальных стратегических интересов, ресурсов и судоходства, поэтому можно предположить, что стратегическая «битва за Арктику» развернется нешуточная. 10 марта 2021 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг уже сделал заявление о том, что Альянс усиливает свою активность в Арктике из-за возросшего российского присутствия в этом регионе [Генсек НАТО..., 2021].

Еще более напряженная ситуация – уже с участием другого пула игроков – складывается в Индо-Тихоокеанском регионе. Именно здесь противостояние Соединенных Штатов и Китая приобретает наиболее выраженную форму. Согласно большинству серьезных экспертных сценариев, именно расстановка сил в Индо-Тихоокеанском регионе в конечном итоге определит место, которое займет Пекин в будущем миропорядке.

15 сентября 2021 г. президент Дж. Байден, премьер-министры Великобритании Б. Джонсон и Австралии С. Моррисон объя-

вили о создании блока AUKUS, целью которого стало «обеспечение долгосрочного мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе». Совершенно ясно, что за выхолощенными формулировками официального пресс-релиза стоит вполне очевидное стремление Соединенных Штатов воспрепятствовать дальнейшему усилению геополитического влияния Китая в этой части Мирового океана.

Первые достигнутые в рамках AUKUS договоренности привели к крупному дипломатическому скандалу: 16 сентября 2021 г. правительство Австралии объявило о разрыве контракта с французской оборонной компанией «Naval Group» на поставку 12 субмарин дизельного типа на общую сумму около 56 млн евро. Это соглашение между Австралией и Францией было достигнуто еще в 2016 г., и теперь Канберра совершенно неожиданно для французской стороны отказалась от старых договоренностей в пользу создания собственного подводного флота (теперь уже из подлодок с ядерными силовыми установками) в рамках AUKUS – с использованием американских и британских технологий. Таким образом Австралия станет седьмым членом клуба государств, обладающих ядерными субмаринами, причем по иронии судьбы у нее их теперь будет больше, чем у Франции: двенадцать против восьми [Affaire des sous-marins..., 2021].

Внимание экспертов привлек и тот факт, что планы Канберры были озвучены всего за несколько часов до опубликования Индо-Тихоокеанской концепции Евросоюза. В этой связи наиболее примечательно, что Концепция ЕС – в отличие от договоренностей блока AUKUS – формально ориентирована не на противостояние, а на сотрудничество с Китаем. Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Жозеп Боррель после презентации Индо-Тихоокеанской концепции ЕС специально привлек внимание аудитории к позиции Евросоюза, заключающейся в том, что во многих областях сотрудничество с Пекином является ключевым фактором, особенно это касается проблем изменения климата. Главы внешнеполитических ведомств стран – участниц ЕС не только официально выразили свою солидарность с Францией по вопросу о контракте на поставку Канберре француз-

ских дизельных субмарин. Ж. Боррель подчеркнул, что произошедшее противоречит «призывам к более тесному сотрудничеству с Евросоюзом в Индо-Тихоокеанском регионе» [Nichols, 2021].

Пекин, разумеется, негативно отреагировал как на само создание блока AUKUS, так и на первые достигнутые в этом формате договоренности. МИД КНР заявило, что все заинтересованные страны должны отказаться от «мышления холодной войны и правил игры с нулевой суммой» [China sees..., 2021].

Какие выводы могут быть сделаны из этой ситуации? Во-первых, очевидно, что анонсированный Вашингтоном план по активизации сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе является частью стратегии США, направленной на геостратегическое сдерживание Пекина, и в рамках этой стратегии Соединенные Штаты будут стараться использовать любые ресурсы, имеющиеся в распоряжении «западных союзников». Во-вторых, у Евросоюза на данный момент нет собственных ресурсов, позволяющих проводить политику, предполагающую мало-мальски серьезный конфликт интересов с Соединенными Штатами – как в Индо-Тихоокеанском, так и в любых других регионах мира. Соответственно, единственное «рабочее» решение для Евросоюза – стремление к достижению стратегической автономии, что, в свою очередь, ставит вопрос о вакууме лидерства в ЕС: на место ушедшей с европейской политической авансцены канцлера Германии Ангелы Меркель, которая за время 16-летнего пребывания на посту канцлера стала символом стабильности и надежности, должен прийти новый харизматичный лидер, способный генерировать амбициозные идеи и претворять их в жизнь. Европе еще предстоит серьезная внутренняя борьба за лидерство.

Крах политики Запада в Афганистане и формирование внешнеполитической доктрины Дж. Байдена

Вывод американского воинского контингента из Афганистана, решение о котором было принято в Вашингтоне без согласования с союзниками, фатальные ошибки разведслужб США, Германии, Франции, прогнозировавших, что до декабря 2021 г. талибы в Кабул не войдут, провальная эвакуация (полные отчаяния кадры ужасающего хаоса в Кабульском аэропорту потрясли

весь мир) – все это больше напоминало бегство Западного альянса из страны, нежели заранее спланированный уход. Если называть вещи своими именами, то, несмотря на бравурные сентенции, речь идет о событии с долговременными последствиями. 20 лет, более 2300 жизней американских военнослужащих, 2,1 трлн долл. были положены на алтарь амбициозной идеи американской администрации – «nation building» (государственное строительство). Долгие годы в Вашингтоне исходили из того, что экспорт демократии путем механического перенесения своей системы ценностей и институций на неподготовленную почву – вполне «рабочая» схема. Однако довольно быстро стало очевидно, что без учета культурных, этнических и национальных особенностей региона эта схема попросту не работает, особенно при отсутствии «на местах» желания коренным образом что-то менять. Так, например, Белый дом руководствовался установкой, что правительство президента Афганистана Ашрафа Гани является единственной законной властью на территории страны, поскольку было избрано в соответствии с демократическими процедурами США. Однако никто из американской администрации почему-то не брал в расчет, что в последних общенациональных афганских выборах приняли участие всего 1,8 млн афганцев, притом что население страны составляет около 40 млн человек, 9,7 млн из которых являются зарегистрированными избирателями.

26 августа 2021 г. перед началом своего турне по странам региона (Турция, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан) тогдашний министр иностранных дел Германии Хайко Маас обозначил фундаментальную проблему, связанную с тем, как видят на Западе ситуацию в Афганистане: «Атаки в кабульском аэропорту показывают, насколько велика опасность, что международный терроризм вновь обретет силу. Образовался властно-политический вакуум, в который ИГИЛ и другие террористы сейчас устремятся с ужасающей скоростью». Крайне важно, чтобы «крах в Афганистане не дестабилизировал весь регион», – подчеркнул Маас (цит. по: [Brössler, 2021]). Очевидно, что столь селективное восприятие реальности может в дальнейшем привести к серьезным системным ошибкам в процессе принятия решений на этом направлении.

Однако в Белом доме приняли решение не расплывать ресурсы, а сосредоточить весь потенциал на предстоящей борьбе с Поднебесной за мировое лидерство, утвердившись во мнении, что именно Пекин является для США главным стратегическим вызовом столетия.

Администрация президента Дж. Байдена представила миру новую внешнеполитическую доктрину, гораздо более прагматичную по своей сути. Соединенные Штаты, сосредоточившиеся в настоящий момент на своих внутренних проблемах – расколе в политическом классе и обществе, – *переходят от утопичной идеи насильственного экспорта демократии по всему миру к активным действиям по защите либеральных ценностей «коллективного Запада» от автократий*, к которым в первую очередь причислены Китай и Россия. США более не стремятся к реформированию политических систем этих стран: теперь они предлагают «западному миру» защищаться от их влияния и вмешательства. Иными словами, *происходит масштабная трансформация системы международных отношений – трансфер Соединенных Штатов от роли мирового гегемона к статусу глобального лидера*.

Это долгий процесс, требующий масштабной перестройки менталитета правящего класса и общественного сознания. Пока же Соединенные Штаты продолжают руководствоваться сознанием гегемона, по определению, не умеющего идти на компромиссы, что следует учитывать и «западным союзникам», и, безусловно, России для поиска оптимального вектора в своих взаимоотношениях с США и с Западом в целом.

Ложные геостратегические императивы

В основе нынешнего кризиса в отношениях России с Евросоюзом – горечь от крушения ложных надежд, возникших после окончания холодной войны. Европа ожидала от России полной интеграции в свою правовую, экономическую и ценностную модель, притом что РФ отводилось в этой модели место «на обочине» – роль младшего партнера, не имеющего права голоса в европейских делах. В России же желаемые взаимоотношения с ЕС видели исключительно как партнерство равных. Более того, идея о создании единого евро-азиатского экономического пространства, где

РФ благодаря своему расположению и размерам играла бы первую скрипку, рассматривалась Москвой как приоритетная. Надеждам не суждено было сбыться, а после событий 2014 г. маховик противостояния начал неумолимо раскручиваться, и к настоящему времени трещина в отношениях между Россией и Западом достигла размеров и глубины Марианской впадины.

Нынешняя ситуация характеризуется высоким уровнем конфликтности и потенциально очень опасна, особенно с учетом новых геополитических искушений в разных уголках мира. Нестабильность на южных рубежах России, которая еще больше усилится после вывода западных войск с территории Афганистана, шаткость ситуации в Армении после поражения во второй войне за Карабах, смена пророссийского правительства в Молдавии, незатухающий конфликт в Донбассе сохраняют высокий конфликтный потенциал в отношениях России с «коллективным Западом». Значительно обострилась и «подковерная» борьба за влияние в Белоруссии. Продолжающаяся разрушаться система договоров по контролю над вооружениями делает ситуацию еще менее стабильной, возрождая старые страхи. Глобальное информационное пространство служит, с одной стороны, своего рода «форточкой» для выпуска пара в рамках дискуссионного поля, но, с другой стороны, СМИ оказывают порой чрезмерное давление и на общественное мнение, и, зачастую, на сам процесс принятия решений.

Между тем можно уверенно констатировать, что *на фоне умножения взаимных обвинений России и «коллективного Запада» в международных отношениях начинает формироваться новая «квазиблоковая система»*. Градус глобальной полемики уже столь высок, что третьим государствам в этой ситуации становится крайне сложно сохранять нейтралитет. Логика развития нынешнего противостояния по линии Россия – Запад диктует необходимость занять «окопы» одной из сторон, поскольку уменьшается сама возможность маневра и проведения многовекторной политики.

Заключение. Стратегический выигрыш для России – передача огня, а не поклонение пеплу

Каким же может быть механизм постепенного преодоления затяжного кризиса в отношениях России и Запада? Прежде всего

необходимо принять тот факт, что России как минимум в ближайшей перспективе придется иметь дело с формирующейся с подачи администрации Дж. Байдена *более-менее единой позицией так называемого «коллективного Запада»*, в основе которой – ориентация на масштабное сдерживание РФ с одновременным сохранением диалога по ограниченному кругу вопросов, решение которых невозможно без участия Москвы (контроль над вооружениями, борьба с международным терроризмом, противостояние пандемии, климатическая политика и т.д.). Играть на разнице американских и европейских позиций и на определенных противоречиях, порой возникающих между «западными союзниками», впредь уже не получится. Это долгосрочная тенденция, хотя, конечно, формирование единой позиции «коллективного Запада» не является делом одного дня.

Помимо прочего, приходится признать, что на данном этапе отношения по линии РФ – ЕС находятся в еще более низкой точке, нежели отношения России с Соединенными Штатами. Европейская кризисная дипломатия почти полностью замещается применением санкций, что помимо политических и экономических издержек «адресата» в определенной степени влечет за собой еще и трансформацию общественного сознания. «Бомбардировка» санкциями ведет к *размыванию иллюзии общей идентичности России с Европой*, что в свою очередь может привести к возрождению ментальных установок времен холодной войны. Следует также отметить, что *критическим фактором, крайне негативно влияющим на весь международный контекст, остается глобальный кризис доверия*.

Однако и из этого кажущегося тупика выход все-таки просматривается. Объединяющими факторами могут служить обоюдная заинтересованность в экономических, культурных контактах, медицинских исследованиях, в том числе связанных с поиском лекарств, разработкой нового поколения вакцин от COVID-19 и в целом борьбой с биологической угрозой. Ключом к снижению уровня конфронтации и достижению хотя бы минимального прогресса в отношениях по линии ЕС – РФ является прежде всего понимание необходимости продолжать «говорить друг с другом, а не друг о друге» (подробнее см.: [Арзаманова, 2021]).

Сейчас основой сосуществования по сути двух разных систем (РФ и Запад) по-прежнему остается конкуренция двух совершенно разных стратегий, «приправленная» борьбой за репутационный выигрыш в попытке продемонстрировать, что именно «наша» стратегия – наиболее правильная. Между тем представляется, что одной из «рабочих» схем во взаимоотношениях РФ с «коллективным Западом» могло бы стать исключение из диалога (по возможности) ценностной составляющей при одновременной концентрации на «чисто техническом» сотрудничестве и техническом менеджменте для решения основополагающих проблем и нахождения точек соприкосновения интересов сторон. Коротко говоря, в связке Россия – «коллективный Запад» *интересы должны превалировать над ценностями.*

Отношениям России и Запада необходимо новое целеполагание, разумеется, при соблюдении достаточного для каждой из сторон уровня безопасности. *Режим контроля над вооружениями уже не так актуален, как прежде, в связи с хаотичностью и неупорядоченностью формирующегося нового миропорядка; соответственно, сама матрица стратегической стабильности более не является определяющей.* На этом фоне стремление России к возвращению в стратегический диалог с Соединенными Штатами – не слишком удачная стратегия. Определяющим принципом взаимодействия должно стать взаимоуважение, существующее вне зависимости от наличия конкурирующих стратегий, о чем, собственно, российские дипломаты и чиновники высокого ранга уже не раз говорили: статусный момент (признание равного статуса с Соединенными Штатами) является для России критически важным фактором.

Вывести ценностную составляющую «за скобки» во взаимодействии России с «коллективным Западом» будет непросто для государства, отягощенного долгой имперской традицией, в которой историческая память является законной частью внешнеполитической аргументации. Однако, в конце концов, стоит помнить о том, что *традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу.* Таким образом, итоговая формула для решения задачи должна быть выбрана с учетом прагматических соображений: *конструктивный диалог на основе взаимных интересов и уважения, с вынесением «за скобки» как ценностной составляющей, так и идеи состязательности двух*

разных систем в борьбе за репутационный выигрыш (что стало особенно популярно в условиях пандемии). Именно в таком подходе мог бы заключаться стратегический выигрыш для России на полях формирующегося нового миропорядка.

Литература

Арзаманова Т.В. Европейская оборона : пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – Москва, 2020. – № 4. – С. 21–52.

Арзаманова Т.В. Конец иллюзий : Европарламент и глава дипломатии ЕС уверены, что Москва встала на путь конфронтации с Западом // Inosmi.info. – Москва, 2021. – 30.04. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210430/249663026.html> (дата обращения: 20.11.2021).

Генсек НАТО отметил усиление активности Альянса в Арктике на фоне присутствия России / ТАСС. – Москва, 2021. – 10.03. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10865719> (дата обращения: 20.11.2021).

Мыльников П. Пентагон «пристально следит» за военной активностью РФ в Арктике // Deutsche Welle. – Берлин, 2021. – 06.04. – URL: <https://www.dw.com/ru/pentagon-pristalno-nabljuduet-za-voennoj-aktivnostju-rf-v-arktike/a-57105579> (дата обращения: 20.11.2021).

Ромашенко С. Байден обозначил Путину принципы ведения дел с Россией // Deutsche Welle. – Берлин, 2021. – 16.06. – URL: <https://www.dw.com/ru/bajden-oboznachil-putinu-principy-vedenija-del-s-rossiej/a-57927787> (дата обращения: 20.11.2021).

Росстат : жители Арктической зоны обеспечивают десятую часть ВВП России // РИА Новости. – Москва, 2020. – 21.05. – URL: <https://ria.ru/20200521/1571761572.html> (дата обращения: 20.11.2021).

Шейко Ю. Саммит США–ЕС : защита демократии от России и торговое перемирие // Deutsche Welle. – Берлин, 2021. – 15.06. – URL: <https://www.dw.com/ru/sammit-ssha-es-zashhita-demokratii-ot-rossii-i-torgovoe-peremirie/a-57911023> (дата обращения: 20.11.2021).

2021 Bundestag elections // The Germany portal / Fazit Communication GmbH ; Federal Foreign Office. – Berlin, 2021. – URL: <https://www.deutschland.de/en/2021-bundestag-elections> (date of access: 20.11.2021).

Affaire des sous-marins : «Il y a vraiment une crise grave» entre la France, l'Australie et les Etats-Unis, déplore Jean-Yves Le Drian sur France 2 // Francetvinfo. – Paris, 2021. – 18.09. – URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/usa/affaire-des-sous-marins-il-y-a-vraiment-une-crise-grave-entre-la-france-l-australie-et-les-etats-unis-deplore-le-ministre-des-affaires-etrangeres-sur-france-2_4776039.html (date of access: 20.11.2021).

Borrell J. Russia : speech at the EP debate / European Union External Action Service. – Brussels, 2021. – 28.04. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/97446/russia-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-debate_en (date of access: 20.11.2021).

Brössler D. Im Kreis um die Krise // Süddeutsche Zeitung. – München, 2021. – 29.08. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/afghanistan-heiko-maas-rettungsaktion-tuerkei-taliban-1.5395082> (date of access: 20.11.2021).

Brussels Summit communiqué / NATO. – Brussels, 2021. – 14.06. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (date of access: 20.11.2021).

China sees «Cold War mentality» in U.S., British, Australia pact / Reuters. – London, 2021 – 16.09. – URL: <https://www.reuters.com/world/china-sees-cold-war-mentality-us-british-australia-pact-2021-09-15/> (date of access: 20.11.2021).

EU-US Summit 2021 statement : towards a renewed Transatlantic partnership / European Council. – Brussels, 2021. – 15.06. – 7 p. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/50758/eu-us-summit-joint-statement-15-june-final-final.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Nichols M. EU backs France in submarine dispute, asking : Is America back? / Reuters. – London, 2021. – 21.09. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-foreign-ministers-discuss-submarine-dispute-monday-2021-09-20/> (date of access: 20.11.2021).

DOI: 10.31249/ape/2022.01.02

Arzamanova T.V.¹, 2022

«Texas hold'em»: transition from the strategic stability matrix to the new framework of the world order

***Abstract.** The pandemic of COVID-19 became the real catalyst of global changes, having had the strongest impact on all aspects of activity, from the relationship between individuals and between society and the state to the formation of a new world order. Global inequalities have increased, including the lack of equitable access to vaccines against COVID-19, which, with*

¹Arzamanova Tatiana Vladimirovna – Leading Editor INION RAS (tatiarzamanova22@gmail.com).

competing systems competing for reputational gain, acquire the status of hybrid weapons.

With regard to the emerging world order, it can already be stated that it is distinctly asymmetric and difficult to predict: the basic characteristics are global uncertainty, a large number of new world actors, including off-system players, nonlinearity, randomness and fragmentation.

The author suggests that the arms control agenda is gradually losing its defining character for international relations: the principle of strategic stability ceases to be the basis of the world order.

The growing tension in relations between Russia and the West is taking place against the background of a Washington-inspired unified position of the «collective West» that Russia will have to deal with, at least in the short to medium term. The basis of this position is a bet on a large-scale deterrence of Russia with the possibility of maintaining a targeted dialogue on a limited range of issues.

Keywords: *pandemic COVID-19, international relations, new world order, global crisis of confidence, NATO, EU, USA, China, Russia, Germany, strategic stability, pragmatism, values.*

References

2021 Bundestag elections. (2021) // The Germany portal / Fazit Communication GmbH ; Federal Foreign Office. – Berlin. – URL: <https://www.deutschland.de/en/2021-bundestag-elections> (date of access: 20.11.2021).

Affaire des sous-marins : «Il y a vraiment une crise grave» entre la France, l'Australie et les Etats-Unis, déplore Jean-Yves Le Drian sur France 2. (2021) // Francetvinfo. – Paris. – 18.09. – URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/usa/affaire-des-sous-marins-il-y-a-vraiment-une-crise-grave-entre-la-france-l-australie-et-les-etats-unis-deploire-le-ministre-des-affaires-etranger-res-sur-france-2_4776039.html (date of access: 20.11.2021).

Arzamanova T.V. (2020). European defense : a puzzle with many unknowns [*Evropeiskaya oborona : pazl so mnogimi neizvestnyimi*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 21-52.

Arzamanova T.V. (2021). The end of illusions : the European Parliament and the head of EU diplomacy are confident that Moscow has embarked on a path of confrontation with the West [*Konets illyuzii : Evroparlament i glava diplomatii ES uvereny, chto Moskva vstala na put' konfrontatsii s Zapadom*] // Inosmi.info. – Moscow. – 04.30. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210430/249663026.html> (date of access: 20.11.2021).

Borrell J. (2021). Russia : speech at the EP debate / European Union External Action Service. – Brussels. – 28.04. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/97446/russia-speech-high-representative-president-josep-borrell-ep-debate_en (date of access: 20.11.2021).

Brössler D. (2021). Im Kreis um die Krise // Süddeutsche Zeitung. – München. – 29.08. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/afghanistan-heiko-maas-rettungsaktion-tuerkei-taliban-1.5395082> (date of access: 20.11.2021).

Brussels Summit communiqué. (2021) / NATO. – Brussels. – 14.06. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (date of access: 20.11.2021).

China sees «Cold War mentality» in U.S., British, Australia pact. (2021) // Reuters. – London. – 16.09. – URL: <https://www.reuters.com/world/china-sees-cold-war-mentality-us-british-australia-pact-2021-09-15/> (date of access: 20.11.2021).

EU-US Summit 2021 statement : towards a renewed Transatlantic partnership. (2021) / European Council. – Brussels. – 15.06. – 7 p. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/50758/eu-us-summit-joint-statement-15-june-final-final.pdf> (date of access: 20.11.2021).

Mylnikov P. (2021). The Pentagon «closely monitors» the military activity of the Russian Federation in the Arctic [*Pentagon «pristal'no sledit» za voennoi aktivnost'yu RF v Arktike*] // Deutsche Welle. – Berlin. – 06.04. – URL: <https://www.dw.com/ru/pentagon-pristalno-nabljudayet-za-voennoj-aktivnostju-rf-v-arktike/a-57105579> (date of access: 20.11.2021).

NATO Secretary General noted the increased activity of the alliance in the Arctic against the background of the presence of Russia [*Gensek NATO otmetil usilenie aktivnosti al'yansa v Arktike na fone prisutstviya Rossii*]. (2021) // TASS. – Moscow. – 10.03. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10865719> (date of access: 20.11.2021).

Nichols M. (2021). EU backs France in submarine dispute, asking : Is America back? // Reuters. – London. – 21.09. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-foreign-ministers-discuss-submarine-dispute-monday-2021-09-20/> (date of access: 20.11.2021).

Romashenko S. (2021). Biden outlined to Putin the principles of doing business with Russia [*Baiden oboznachil Putinu printsipy vedeniya del s Rossiei*] // Deutsche Welle. – Berlin. – 16.06. – URL: <https://www.dw.com/ru/bajden-oboznachil-putinu-principy-vedenija-del-s-rossiej/a-57927787> (date of access: 20.11.2021).

Rosstat : residents of the Arctic zone provide a tenth of Russia's GDP [*Rosstat : zhiteli Arkticheskoi zony obespechivayut desyatuyu chast' VVP Rossii*].

«Техасский холдем» : переход от матрицы стратегической стабильности к новым основам миропорядка

(2020) // RIA Novosti. – Moscow. – 21.05. – URL: <https://ria.ru/20200521/1571761572.html> (date of access: 20.11.2021).

Sheiko Y. (2021). US-EU Summit : defense of democracy from Russia and trade truce [*Sammit SShA-ES : zashchita demokratii ot Rossii i torgovoe peremirie*] // Deutsche Welle. – Berlin. – 15.06. – URL: <https://www.dw.com/ru/sammit-ssha-es-zashhita-demokratii-ot-rossii-i-torgovoe-peremirie/a-57911023> (date of access: 20.11.2021).